

Габриэль Гарсиа Маркес

РОМАН О СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ

нашел, будто мною хорошо изучен предмет. Для меня все было построено на чистой интуиции. В то время, когда я писал книгу, мне было лет тридцать восемь—сорок.

— Что вы узнали из книги Симоны де Бовуар?

— Она произвела на меня большое впечатление. Это исследование, размышление, которое вместе с тем содержит много фактического материала. Мои влюбленные не могут пожениться, когда парню двадцать два года, а девушке восемнадцать, потому что им говорят, что они слишком молоды. Когда перед ними снова встает этот вопрос, ему восемьдесят два года, ей семьдесят восемь лет, им говорят, что они очень старые.

В некотором роде мои родители послужили мне моделью для книги — не полностью, но во многом. Они были женаты шестьдесят лет, у них было шестнадцать детей, моя мать родила последнего ребенка в сорок два года. Мой отец умер в восемьдесят четыре года.

— Вы говорили о той радости, которую испытывали, навещая ваших родителей каждый раз, когда бывали в Колумбии. Ваш отец умер недавно. Что изменилось в вас с его уходом?

— Я оторвался от своих родителей в возрасте тринадцати—четырнадцати лет. С тех пор я немножко ощущал себя в доме как посторонний. Это мне помогло легче пережить ту пустоту, которую он оставил. Для моих братьев и сестер, всегда живших дома, это стало сильным потрясением. В этой семье никто не умирал — в ней было шестнадцать детей, тридцать четыре внука и четырнадцать правнуков.

Смерть отца не оставляет сомнения в приближении вашей собственной смерти. С течением времени у вас создается впечатление, что вы должны работать быстрее. И особенно готовить себя к полезной старости.

— Каким образом?

— Для меня достаточно сохранить способность писать. Я

могу до ста лет приносить пользу, если смогу писать. Моя тема — жизнь, и чем дольше я живу, тем шире она становится.

— Есть ли разница в том, как вы работаете сейчас, по сравнению с временами вашей молодости?

— Способ писать очень отличается. Когда вы молоды, вы пишете почти так — это может меняться от автора к автору, я говорю только о себе, — слово речью идет о поэме. Вы пишете на импульсах, на вдохновении. У вас столько вдохновения, что вас не волнует вопрос техники. С другой стороны, позднее вы точно знаете, что вы хотите сказать и как. И у вас есть, что сказать. Но даже если вы всю жизнь будете рассказывать о своем детстве, на склоне лет вы сможете это передать по-другому.

С возрастом, когда вдохновения становится меньше, вы больше зависите от техники. Если у вас ее нет, все рушится. Нет никакого сомнения в том, что вы пишете медленнее, более тщательно обдумывая детали, и, возможно, с меньшим вдохновением. В этом серьезная проблема писателя.

В двадцать лет я за день писал повесть для журнала, и иногда еще много статей. Потом, ночью, когда редакционная комната пустела, я оставался писать рассказ или работать над романом.

У меня есть одна повесть, из моих первых работ — «Ночь за кулисами». Это было в то время, когда мы создали литературный еженедельник «Хроника». Однажды главный редактор оказался с пустым портфелем. Тогда вечером я сел за стол и написал повесть.

Теперь на такое я уже не способен. Даже если я долго обдумывал, мне необходимо по крайней мере две или три недели для того, чтобы написать. Более того, не так давно я написал рассказ в пятнадцать страниц. Я купил пачку бумаги в пятьсот страниц. Когда

я закончил писать, оказалось, что я использовал пятьсот страниц для этих пятнадцати.

Я всегда писал ночью и курил. Большой недостаток молодости в том, что вы почти всегда должны писать усталым. Вы беретесь за перо только после того, как выполните ту обязательную работу, которая дает вам возможность зарабатывать. Со временем вы становитесь профессиональнее и организуете свою жизнь.

Теперь, когда мне уже не нужно работать для журнала и я могу целиком посвятить себя своим книгам, мне трудно с утра сесть за стол и весь день писать.

Разница в возрасте накладывает отпечаток и на память. Я никогда не имел привычки записывать идеи, приходившие мне в голову во время работы. Я считал: раз забыл, значит, это не столь существенно. Вспоминал то, что считал важным. Теперь я записываю все. И боюсь забыть то, над чем думал, забыть то, что я хотел сказать, то, что я читал, где я это читал, забыть музыку, которую не мог вспомнить. Я записываю фразу, слово, которое может мне завтра пригодиться.

Я понял одну очень важную вещь, для которой необходимо быть молодым. Речь идет об овладении техникой мастерства, приемами профессии. Если вы не сделали этого в молодости, вы не сделаете этого и в старости.

— Получив в 1982 году Нобелевскую премию, вы сказали, что премия и успех для вас — это тяжесть, которая только усложняет вашу задачу. Вы по-прежнему так думаете?

— Я тогда просто пошутил: сказал, что давно был знаменит, но об этом никто не догадывался. Нет, я не могу сказать, что для меня популярность — это бремя. Те планы, которые я вынашивал, у меня никогда не менялись. Еще до получения премии я уже рабо-

тал над этой книгой, и я продолжал ее писать. Но популярность вносит беспорядок в мою личную жизнь. Это отвлекает, нарушает работу. Вас слишком много поздравляют, вас заставляют участвовать в разных собраниях. Это отнимает время, а люди не любят, когда им отказывают.

Истоки всех моих повестей, написанных начиная с восемнадцатилетнего возраста для газет, уходят в Колумбию. Шесть томов уже опубликовано, два или три готовятся.

Я перечитал большую их часть и ни о чем не пожалел. Там не было ни особенного вранья, ни серьезных противоречий. Я всегда знал, что все написанное будет меня преследовать даже после смерти. Это написано. Вы не можете сказать: я не писал этого.

— А ваша популярность не таит еще большую опасность?

— Вы можете меня спросить, испытываю ли я сейчас больший страх, чем тогда, когда начал писать. Всю жизнь я трепещу в тот момент, когда сажусь за работу.

— Каждый день?

— Каждый день. Очень боюсь.

— Когда вы закончите книгу, которую пишете?

— На днях меня спросили, сколько времени я еще пробуду в Мехико. Я ответил: не сколько времени, а сколько страниц. Мне осталось написать еще 180 страниц. Значит, нужно сказать: сто восемьдесят дней. Я думаю, через три месяца.

— Вы говорили, что в молодости вы уже писали о старости. Сейчас, когда вы постарели, не собираетесь ли вы писать книги для детей?

— Я уже пытался писать для детей. Из этого ничего не вышло. Однажды написал повесть и показал ее двум моим сыновьям, которые были тогда совсем маленькими. Они мне ее вернули и сказали: «Папа, ты, видно, думаешь, что все дети дураки».

Перевела с французского
Т. ЗЕМЦОВА

Лауреат Нобелевской премии, известный колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес работает над новым романом. Иногда писатель живет в Картахене, на карибском берегу Колумбии, неподалеку от того местечка, где он родился пятьдесят семь лет тому назад. Эти места остаются для Маркеса источником вдохновения, отсюда он черпает свои мифические истории и анекдоты.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей интервью с Г. Г. Маркесом, которое перепечатываем с сокращениями из французского журнала «Магазин Литтерер».

— Сейчас вы пишете историю счастливой любви, рассказывая о двух весьма пожилых влюбленных.

— Это история любви, которая зародилась, когда парень и девушка были совсем юными. Но роман их прервался, хотя они сохранили в себе эту любовь. Вновь они встретились, когда им было восемьдесят.

Сначала у меня появилась некая мысль, скорее даже образ. Для меня отправным момент книги — это всегда образ, но никогда концепция или интрига. Этим образом была чета стариков, уплывающих на корабле, пара счастливых стариков, танцующих на палубе. Однако пока я не хочу подробно говорить о книге. Это плохая примета.

— Вы всегда утверждали, что писатель всю свою жизнь

описывает молодость. Теперь вы рассказываете о периоде жизни, который вами еще не пережит.

— Да, я забегаю вперед. Хотя в двух своих первых книгах я уже писал о пожилых людях. В повести «Палая листва» старик, не найдя другого выхода, кончает с собой. Герой другой повести — «Полковнику никто не пишет» — ждет письма, которое так и не приходит. Если всмотреться в героев романа «Сто лет одиночества», создается впечатление, что всю жизнь я наблюдал своих дедов. Про детей я никогда не писал.

— Может быть, потому, что ребенком вы долго жили с бабушкой и дедушкой?

— Да, это действительно имеет значение. Прототипами большинства персонажей моих книг послужили мои бабушка

и дедушка, потому что я знал, как они говорили, как вели себя. Но я пытался передать поведение этих стариков без глубокого понимания того, что происходит у них в душе.

Только сейчас я начинаю осознать возраст. Я никогда так серьезно не задумывался над мыслью о смерти, прежде чем попытался понять, как эта мысль действует на пожилых людей. Мои герои не умирают. Они живут вечно.

— Занимались ли вы проблемами старения, читали ли книги других авторов на эту тему?

— Нет, я работал по-иному. Единственное, что я прочел, это книгу Симоны де Бовуар «Старость». Я старался писать произвольно, воображение и вымысел раскрывали мне секреты возраста. Возможно, старость, описанная в моей книге, неправдоподобна.

Я с любопытством узнал, что кто-то в Колумбии недавно опубликовал исследование о старости по моему роману «Сто лет одиночества». Этой работы я не читал. Речь шла о каком-то геронтологе, который